

Научная статья

Научная специальность

5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»

УДК 344.643

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.1.9>

ПОДЖОГ КАК УГОЛОВНОЕ ДЕЯНИЕ В ПЕРИОД СКЛАДЫВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

© Черных В. В., 2023

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Осуществлен анализ одного из опасных уголовных преступлений периода складывания Русского централизованного государства (конец XIII – начало XVI в.) – поджога. Установлено, что замедление развития русского законодательства в ордынский период имело объективный характер и не способствовало совершенствованию уголовного права, заложенному в первых законодательных памятниках Древней Руси – Русской Правде и ее производных. Отмечается, что образование Русского централизованного государства открывает новую страницу в развитии отечественного права, в условиях феодальной раздробленности сложилось многообразие правового регулирования, появились региональные правовые акты (Псковская, Двинская и Белозерская судные грамоты). Сделан вывод о том, что централизация потребовала создания единых правовых норм, законов, что нашло отражение в судебных уложениях данного периода, анализ положений которых позволяет увидеть последовательное ужесточение ответственности за уголовное преступление, именуемое поджогом. Выявлена прямая связь укрепления великокняжеской власти со складыванием феодальных отношений и с увеличением значимости частной и государственной собственности, непосредственно влиявших на однозначность репрессивных мер в отношении поджигателей, с выработкой в связи с этим разных правовых подходов к установлению наказаний за поджог в зависимости от форм собственности, что позволило выявить опережающее развитие юридических начал для городов и их отсутствие для лесов и полей. Обращено внимание на увеличение количества поджогов в связи с социальным расслоением и закрепощением крестьян, избравшим такую форму борьбы с феодалами, как поджог их поместий. Сделан общий вывод о том, что обращение к изучению исторического правового опыта позволяет воссоздать более полную и объективную картину становления и развития законодательства России, в том числе и такого явления, как поджог.

Ключевые слова: поджог, наказания за поджог, законодательные акты, владельческий принцип.

ARSON AS A CRIMINAL ACT DURING THE FORMATION OF THE RUSSIAN CENTRALIZED STATE

© Chernykh V. V., 2023

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

The analysis of one of the most dangerous criminal offenses of the period of the formation of the Russian centralized state (the end of the XIII – beginning of the XVI centuries) – arson is carried out. Russian legislation development slowdown in the Horde period was objective and did not contribute to the improvement of criminal law, laid down in the first legislative monuments of Ancient Russia – Russkaya Pravda and its derivatives. The formation of a Russian centralized state opens a new page in the development of domestic law. In the conditions of feudal fragmentation, a variety of legal regulation has developed, regional legal acts have appeared (Pskov, Dvinskaya and Belozersk court certificates). Centralization required the creation of uniform legal norms and laws, which was reflected in the Judicial Regulations of this period, the analysis of the provisions of which allows you to see of legal principles for cities and their absence for forests and fields. Attention is drawn to the increase in the number of arson attacks due to the social stratification and enslavement of peasants, who have chosen the form of struggle against feudal lords, the arson of their estates. Turning to the study of historical legal experience allows us to recreate a more complete and objective picture of the formation and development of Russian legislation, including such a phenomenon as arson.

Keywords: arson, penalties for arson, legislative acts, ownership principle.

Введение

Явления поджога и – как производного от него – пожара наводят на нас последствия огромной разрушительной силы, неслучайно пожар отнесен к бедствию. Термины «пожар» и «поджог» не являются в полной мере синонимичными, хотя воздействие того и другого весьма схоже. Однако под поджогом мы понимаем умышленное предание огню какого-нибудь имущества, сокрытие преступления или лишение

жизни неугодных поджигателю людей, а в пожаре видим чаще всего стихийное проявление воздействия огня. В первом случае налицо преступное деяние, что является основанием для возбуждения уголовного дела, а наказания детально прописаны в действующих законах. Во втором – чаще всего состав преступления определить очень непросто, особенно если пожар имеет природное происхождение. Исключением являются военные пожары. В этом случае в

сожжении населенных пунктов, полей и лесов можно будет обвинить интервентов и после победы взыскать с них репарации и контрибуции (как в случае с нацистской Германией). Здесь мы наблюдаем смысловую схожесть этих явлений: и пожар и поджог в военный период носят криминальный характер. В любом случае и пожар и поджог, относящиеся к природно-антропогенным явлениям, несут катастрофические разрушения, влекут гибель людей и уничтожение материальных ценностей. Поэтому любые попытки изучения этих явлений, в том числе и в правовом отношении, имеют огромное значение для любого общества и в любой период.

Материалы и методы исследования

Методы научного познания: диалектический, герменевтики, сравнительно-исторический, логический, формально-юридический, диахронический, на основе принципов историзма, объективности и системности.

Обзор литературы

Нормы, зафиксированные в пространной редакции Русской Правды [3], действовали с XII до начала XIV в., потому что ни о каких новых крупных юридических памятниках этого времени мы не знаем. В период монголо-татарского ига основным правовым документом была Великая Яса [3], действие правовых норм которой, по всей видимости, распространялось и на покоренное население. Там нет статьи с определением такого преступления, как поджог, но, судя по тому, что за большинство проступков следовало наказание в виде смертной казни, можно быть уверенным, что поджог рассматривался как покушение на чужое имущество, что каралось смертной казнью, поэтому и в отношении поджигателей законы Чингисхана выносили смертный приговор.

В XIV–XV вв. начинают появляться такие важные правовые документы, как договорные грамоты князей, а также духовные, уставные и судные грамоты, позволяющие отслеживать складывание процесса судопроизводства и нормотворчества. Государство в этот период еще не выступает истцом, поэтому и нет различия между уголовным и гражданским, следственным и обвинительным процессами. Но государство уже участвует в расследовании преступлений и проводит интересы истца как из меркантильных интересов, так и из осознания себя «верховным судьей», единственно владеющим репрессивным правом в отношении нарушителей внутренней безопасности.

Тяжбующимися сторонами выступали частные лица. Но для древнейшего времени осо-

бенностью судебного процесса было то, что под частными лицами подразумевались не физические лица, истцами и ответчиками выступали семья, род и община, несшая круговую поруку за своих членов и являвшаяся как бы первичным судьей.

Истцами и ответчиками были также и юридические лица, причем их правоспособность имела безграничные пределы: иски могли выдвигать женщины, дети и даже рабы. Суд рассматривал родственные связи в судебном процессе как явление, способное помешать истине, поэтому родственники от участия в суде отстранялись, а закон определял, кто должен являться на суд. Для данного исследования особый интерес представляют Двинская, Белозерская, Новгородская и Псковская грамоты.

В это же время появляется еще одна редакция Русской Правды, получившая название сокращенной. Она в значительной степени дублирует статьи пространной Правды и за неимением под рукой последней может быть использована в исследовательских целях правоведами [9].

Это основные юридические документы, созданные в XV столетии, являющиеся предшественниками Судебника 1497 г.

Особое значение в период складывания и функционирования централизованного Русского государства имели такие документы, как Судебники (1497, 1550, 1589 гг.), Соборное уложение 1649 г., Наказ о градском благочинии 1649 г. [10], дающие разнообразнейшую пищу исследователям в отношении и пожарных бедствий, и совершенствования правового законодательства по таким проявлениям, как пожар, поджигательство и т. д.

Историография проблемы нашла отражение в книгах как историков права, так и исследователей, изучающих национальную историю: Н. И. Костомарова [4], А. П. Чехова [12], М. Ф. Владимирского-Буданова [1], В. В. Черныха [11], Н. Н. Щаблова [13] и др.

Результаты исследования

С окончанием ордынского периода и во избежание повторения феодальной раздробленности русским царям Ивану III, Василию III и Ивану IV Грозному удалось сформировать централизованное государство, позволившее вернуться к активному законодотворчеству, в том числе и к наиболее тяжкому преступлению – поджогу.

Убедительным основанием того, что правоведа, анализирующие такое преступление, как поджог, наконец-то вернулись к нормотворчеству, является их стремление дать определение

преступнику, совершившему поджог. Владимирский-Буданов отмечал спорность и двусмысленность появившихся в этот период таких определений, как подымщик и зажигальник. Термин «подымщик» правоведами определялся преимущественно как поджигатель дома, двора, жилого помещения (дыма), а «зажигальник» как поджигатель укрепления, города, в последнем видели еще и изменщика [2, с. 85]. По мнению Владимирского-Буданова, такое толкование данных терминов не убедительно, потому как оба вида поджога относятся к числу наиболее опасных преступлений и влекут высшую меру наказания. Необходимо отметить, что термин «зажигальник» (в значении «человек, совершивший поджог») употреблялся еще в Русской Правде. В Судебнике 1497 г. сразу в 4 статьях (7, 9, 38, 55) [7, с. 59] в отношении лиц, совершивших умышленный или неумышленный поджог, определялась такая мера наказания, как смертная казнь. Если судить по тому, что в данном правовом акте всего за семь видов преступлений назначалась смертная казнь, то тяжесть наказания за этот вид говорит о его особом значении. С чем оно было связано? С тем, что Руси досталась самая лесистая часть планеты, а значит, и самая пожароопасная. Дома строились из дерева практически до XVIII в., основной переход на более безопасные строительные материалы был осуществлен только в XX в. Россия всегда горела много, и ущерб, приносимый пожарами, был всегда огромен. Для Руси пожар – это стихийное бедствие. При скученности деревянных построек пожар зачастую уничтожал полностью города и селения. Поэтому-то такое преступление, как поджог, каралось очень жестоко. И во всех правовых актах с момента складывания Российского государства мы находим репрессивные статьи самого жесткого характера по отношению к поджигателям. Не стал исключением Судебник 1497 г., который для поджигателей определял смертную казнь. Суровость наказания за поджог обусловлена следующими соображениями. Намерение преступника уничтожить конкретный дом в деревянных городах и селениях Древней Руси зачастую перерастало в беду для целой улицы, селения, города; опасности подвергалось огромное количество людей, не имеющих никакого отношения к изначальному межличностному конфликту. А крупные пожары редко обходятся без того, чтобы кто-нибудь не погиб. Поэтому в далеком прошлом поджигателей наказывали очень часто сожжением.

Подобная форма наказания была характерна для римского права, где в так называемых

Законах двенадцати таблиц содержится указание о том, что подвергается сожжению тот, кто зажжет строение или склад хлеба, находящийся возле дома. У саксонцев за ночное поджигательство также назначалась смертная казнь. Саксонские законы определяли, что поджигателя, лишившего посредством огня кого-либо жизни, должно колесовать, если же поджог не сопровождался гибелью людей, то поджигателю отсекалась голова.

В Японии Пожарный устав вплоть до начала XX столетия был донельзя прост: статья первая и единственная гласила, что «всем обывателям дома, в котором случится пожар, рубить головы» [3].

На Руси такая форма наказания, как сожжение за поджог, встречалась все-таки очень редко.

Появление первых законодательных карательных мер не могло значительно изменить пожарную эпидемию. Деревянные города и села Руси горели по-прежнему нещадно, подрывая экономическое развитие молодого государственного образования [11, с. 89, 103; 13].

Судебник 1497 г. определил правовой и общественный взгляд на поджог и жесткое наказание идущим на подобное преступление, чему немало способствовали толпы погорельцев, бредущие по дорогам и просящие милостыню. Осознание, что пожар может настичь любого, для того периода было явлением распространенным. Понадобится еще несколько веков упорной и последовательной деятельности государства по созданию противопожарной службы, оснащению ее эффективной противопожарной техникой, проектированию и возведению жилищных зданий и производственных сооружений по противопожарной безопасности, повсеместному переходу от деревянного к каменному и кирпичному строительству.

Отсюда вывод: несмотря на однозначность требования смертной казни за поджог в Судебнике 1497 г., на практике карательные органы подходили к каждой конкретной ситуации достаточно дифференцированно, т. е. в зависимости от нанесенного пострадавшей стороне ущерба, но поджог с тех пор относился к разряду государственных преступлений, т. е. к наиболее тяжким и опасным. А сами статьи за поджог стали для судебных исполнителей доходными судебными статьями, так как они давали большие пошлины и позволяли конфисковать у осужденного все имущество. В Русской Правде это называлось «на разграбление и поток».

В конце XV в. в летописях начинает фигурировать концепция пожара как расплаты, по-

сланной Богом («послал Бог за грехи наши»), примером чего может служить запись в Софийской летописи (1496 г.): «Послал Бог казнь за умножение грехов наших на Псков: загорелось на Крому у Кутнего костра; сгорели склады, пропали запасы ржи... А пожар учинил чухонский лазутчик, которого послали немцы, посулив ему много денег. Он был найден на Крому и сожжен 12 апреля» [7, с. 115]. Примечательно, что концепция пожара, посланного Богом, была востребована даже в тех случаях, когда пожар носил антропогенный характер и был вызван поджогом, виновник которого был установлен. В условиях, когда на государственном уровне за поджог устанавливалась высшая мера наказания (казнь), распространенным явлением становится самосуд, при котором виновника пожара часто не находили, а «избирали» из числа иноверцев, представителей других этносов, опальных политических фигур и т. д. В случае же особенно серьезных возгораний жертвами подобного самосуда могли стать случайные люди, находившиеся вблизи места возгорания: «Тогда же от скорби после того пожара новгородцы схватили напрасно многих людей, говоря: “Вы тайно поджигаете ради своей корысти и причинили такие беды и напасти!” И многих христиан в огне сожгли, а других в Волхов с моста сбросили, а других камнями побии. Тайну сердец человеческих один Бог знает, по правде ли произошло то, что такую злую смерть приняли, так как такие беды бывают за наши грехи, чтобы люди отказались от злых своих дел и покаялись, и по воле Божьей жили, чтобы в настоящем и в будущем благо бы получили» [5, с. 517]. Есть и другие свидетельства подобного рода самосудов, зафиксированные в дневниках иностранцев, проживавших в Москве в это время [6]. Таким образом, наказание за поджог или непреднамеренный пожар часто приобретало скорее характер языческого жертвоприношения, чем цивилизованной формы суда.

Судебник 1497 г., определивший отношение к поджогу как наиболее тяжкому преступлению в связи с большим количеством жертв и серьезным ущербом, наносимым этим преступлением, заложил строгие репрессивные меры по отношению к «зажигальщикам». Их «имали и пытали» и, как правило, подвергали сожжению, преемственность чему прослеживается в Судебниках 1497, 1550, 1589 гг., Соборном уложении 1649 г., Наказе о градском благочинии 1649 г.

Статья 61 в Судебнике 1550 г. относит поджог к тягчайшим преступлениям и прямо указывает, что это преступление несет за собой такой

вид смертной казни, как сожжение. Интересно, что здесь же в отношении нив и лесов говорится о том, что этот вид преступления не влечет наказания в уголовном порядке, а за него предусматривается частное взыскание в виде штрафа, что обусловлено владельческим принципом собственности. Зато данный Судебник определяет квалифицированный вид поджога – поджог укреплений города с целью его сдачи – и указывает, что в этом случае преступник должен быть сожжен без всякого милосердия, что говорит о исторически сложившемся отношении к подобному преступлению еще со времен обычного права [1, с. 413–414].

Судебник 1589 г. открывает нам такую сторону поджога, как ложное обвинение в этом преступлении. Статья 71 этого акта говорит, что облыжное (заведомо ложное) обвинение честного человека в поджигательстве влечет в виде наказания «торговую казнь» – битье кнутом на торговой площади истца и проводчика (приведшего истца). Кстати, «торговая казнь» означала конец всего – клеймо пройдохи и злодея ставилось не только на наказанном, но и в определенном смысле на его родных. С ними никто не хотел иметь дела, и поэтому многие считали лишение чести на рынке более страшной карой, чем смерть. Далее назначался штраф потерпевшему в соответствии с установленной суммой для разных социальных категорий. Начинает работать и новая статья в качестве наказания за поджог (ст. 103), подвергавшая преступника пожизненному тюремному заключению [8, с. 182].

Династия Романовых, пришедшая к власти в начале XVII в., ощущавшая определенный дискомфорт в силу своей не самой высокой родovitости, задалась целью зарегламентировать все стороны государственной и общественной жизни, в том числе приданием особого значения законодательской деятельности. В отношении рассматриваемого вопроса венцом нормотворчества является Соборное уложение 1649 г. Сразу 9 статей данного Уложения четко определяли вопросы пожарной безопасности в городах и лесах, меры противодействия пожарам и, отдавая должное уважение предыдущим видам наказаний поджигателям, в значительной степени дублировали их репрессивный характер.

Статья 228 Уложения 1649 г. рассматривает поджог как наиболее опасную форму уничтожения чужого имущества и однозначно квалифицирует меру наказания – смертная казнь через сожжение. До 1654 г. смертная казнь поджигателю определялась через сожжение, после – через повешение [8, с. 191–192].

Как видим, формулировки статей становятся все более лаконичными, не допускающими многовариантности и казуистики. Отработанность основных положений о поджоге позволила перейти законодателям к выработке возможных случаев наказаний за неумышленный или случайный поджог. Ярким примером чего может служить ст. 227 Уложения 1649 г., разбирающая возможный прецедент при найме квартиры, в договоре которого прописано следующее: «Наймателю того двора не зажечь и от огня беречь». Данная статья определяла взаимоотношения между домовладельцем и квартирантом в отношении пользования огнем. Несмотря на профилактически предостерегающий характер, данный договор имел силу нормативного акта и мог служить основополагающим документом при разбирательстве в суде. Суть договора заключается в ответственности квартиросъемщика, допустившего по халатности пожар и, следовательно, принявшего на себя обязательство уплатить хозяину цену поврежденного огнем строения и имущества. Любопытно, что жилец не нес ответственность в случае развития пожара и охвата огнем иных строений. В договоре это определяется как «учинилось не по умыслу». А. П. Чехов (брат известного писателя и редактор журнала «Пожарный»), разбирая этот вопрос, отметил, что ни в летописях, ни в иных источниках нет свидетельств, что в результате начавшегося пожара на каком-нибудь дворе и разросшегося даже на весь населенный пункт хозяину, где случился неумышленный пожар, предъявлялись судебные издержки. Даже больше, ему соболезновали [11, с. 3–4].

В отношении неумышленных пожаров, случившихся в лесах, нивах и полях (в основном происходивших по вине пастухов), закон в данный период практически не изменился. Поколебать мнение, что лесничей и законодатель не начнет вырабатывать противопожарные правила и определять виновных, призвано было введение собственности на лес, которое к этому времени уже состоялось на Западе и которое произошло с переходом России от ремесленного способа производства к мануфактурному (зачаткам капиталистических отношений). С этой миссией блестяще справится П. А. Романов. Но это материал другой статьи. Возвращаясь же к лесным пожарам, отметим, что виновным в неумышленном лесном пожаре пастухам судебных издержек в виде какого-либо штрафа не назначалось. Но если подобный пожар перейдет на строения и нанесет собственникам «пожарное разорение», виновнику неумышленного пожара

придется погасить причиненные соседям убытки [Там же, с. 5].

XVII в. называют бунташным. Действительно, смута, крестьянские волнения и крестьянская война под руководством С. Разина, городские восстания и бунты, раскол церкви сопровождались бесконечными столкновениями и применением бунтующими самого мощного оружия – огня. Быстрыми темпами шло закрепощение крестьян, и по мере его роста росло и количество поджогов. От того, кто совершает поджог, его определение как уголовного преступления не меняется, даже если его употребляют как средство борьбы угнетаемых классов. В этом случае поджог начинает обретать характер террора и диверсии, сопровождаясь грабежом и воровством. Не случайно пойманных на пожарах воров наказывали телесно – били кнутом, отрезали нос и уши, на лоб ставили клеймо «тать», а в особых случаях подвергали мученической казни.

Феодальное государство отреагировало на рост поджогов репрессивной политикой, допустить даже мысли покушения на частную собственность правящий класс не мог, поэтому в 1657 г. Указом Алексея Михайловича поджигателей объявили наиболее опасными государственными преступниками, к розыску которых привлекались сыщики тайной полиции из дворянского сословия [4, с. 146].

Закрепощение крестьян сопровождалось бегством крестьян от помещиков с непременным поджогом их поместья и грабежом. Страну буквально охватили всполохи огненной лихорадки, став характерной особенностью данного столетия. Об одном из таких событий нам поведал А. С. Пушкин в романе «Дубровский», несомненно, сглаженном повествовании о яростном сопротивлении крестьян, сопровождаемом преступными действиями и жестокостью как со стороны государства, так и со стороны отверженных. Как бы то ни было, но ожесточенное сопротивление крестьян способствовало их дальнейшему закрепощению, что и было зафиксировано Уложением 1649 г., а Наказ сыщикам беглых крестьян и холопов определял формы и способы поимки беглых поджигателей, выводя на первый план их как преступников и полностью игнорируя причины, толкнувшие их на преступления¹.

Обсуждения и заключения

Проблема пожаров в период складывания централизованного государства обостряется, чему способствовали расширение террито-

¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 2, № 998. С. 502–513.

рии и увеличение численности населения. Но главными причинами, как и прежде, являлись строительство домов из дерева и наличие огромных лесных массивов. Важной стороной централизации государства являлась выработка общих для всей страны законов, в том числе и уголовных, для претворения функции контроля и принуждения, а для совершивших преступление – наказания. Поджог, являвшийся одним из опаснейших преступлений, нашел отражение во всех законодательных актах данного периода, что подчеркивает его тяжелые последствия. В это время законодателями была осуществлена классификация основных видов поджогов и определены наказания как умышленных, так и неумышленных их разновидностей. Феодалное государство являлось защитником частной собственности, поэтому приоритет в законодательстве получает владельческий принцип. Закрепощение крестьян породило классовые противоречия, и как разновидность борьбы против феодалов они использовали такую форму, как поджог. 

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. 800 с.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. М. : Тип. С. В. Кульженко, 1887. 248 с.
3. Введение к законодательству Древней Руси // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. 432 с.
4. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Эксмо, 2007. 1024 с.
5. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. В 3 кн. Т. 1. М. : Актеон, 2014. 2092 с.
6. Оlearий А. Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij/text1.phtml?id=1026>. (дата обращения: 10.07.2022).
7. Полное собрание русских летописей : монография. Т. 5. М. : Языки русской культуры, 2000. 248 с.
8. Развитие русского права в XV первой половине XVII в. / под ред. В. С. Нерсесянца. М. : Наука, 1986. 287 с.
9. Сокращенная Русская Правда в конце XIV–XV вв. // Исторический факультет МГУ : офиц. сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/srp.htm> (дата обращения: 30.06.2022).
10. Судебники XV–XVI веков / подготовка текстов Р. Б. Мюллер, Л. В. Черепнина ; коммент. А. И. Копанева [и др.] ; под общ. ред. [и с предисл.] акад. Б. Д. Грекова. М. : Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 619 с.
11. Черных В. В. История борьбы с огнем в России : монография. Иркутск : Отгиск, 2010. 592 с.
12. Чехов А. П. Исторический очерк пожарного дела в России. СПб. : изд. кн. А.Д. Львова, 1892. 196 с.
13. Щаблов Н. Н. Пылающая Русь. Страницы истории. СПб. : ГППП-3, 1996. 483 с.
2. Vladimirsky-Budanov M.F. A textbook on the history of Russian law. [*Hrestomatiya po istorii russkogo prava*]. Moscow, Type. S.V. Kulzhenko Publ., 1887, 248 p. (in Russian)
3. Vvedenie k zakonodatel'stvu Drevnej Rusi [Introduction to the legislation of Ancient Russia]. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. V 9 t. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi* [Russian legislation of the X-XX centuries. At 9 t. T. 1. Legislation of Ancient Rus']. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1984, 432 p. (in Russian)
4. Kostomarov N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah eyo glavnejshih deyatelej* [Russian History in the biographies of its most important figures]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 1024 p. (in Russian)
5. *Licevoj letopisnyj svod Ivana Groznogo* [The front chronicle of Ivan the Terrible In 3 books, vol. 1]. Moscow, Akteon Publ., 2014, 2092 p. (in Russian)
6. Olearius A. *Description of the journey of the Holstein Embassy to Muscovy and Persia* [Opisanie puteshestviya Golshtinskogo posol'stva v Moskoviyu i Persiyu]. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij/text1.phtml?id=1026>. (date of access: 10.07.2022). (in Russian)
7. The complete collection of Russian chronicles: monograph. Vol. 5. *Pskovskaya i Polnoe sobranie russkih letopisej. Tom 6 / Pskovskaya i Sofijskaya letopisi.* Moscow, Languages of Russian culture Publ., 2000, 248 p. (in Russian)
8. *Razvitie russkogo prava v XV pervoj polovine XVII v.* [The development of Russian law in the XV first half of the XVII centuries]. Ed. by V.S. Nersesyan. Moscow, Nauka Publ., 1986, 287 p. (in Russian)
9. The abbreviated russian truth AT the end of the XIV-XV centuries [Sokrashchyonnaya russkaya pravda v konce XIV-XV vv.]. *Istoricheskij fakul'tet MGU, ofic. sayt* [Faculty of History of Moscow State University : official site]. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/srp.htm> (date of access: 30.06.2022). (in Russian)
10. *Sudebniki XV-XVI vekov* [Sudebniki XV-XVI centuries] Preparation of texts R. B. Muller and L. V. Cherepnina, Comment. A.I. Kopaneva [et al.]. Under the general ed. [and with a preface.] akad. B.D. Grekov. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, 619 p. (in Russian)
11. Chernyh V.V. *Istoriya bor'by s ognem v Rossii. Monografiya* [The history of fighting fire in Russia]. Irkutsk, Impression Publ., 2010, 592 p. (in Russian)
12. Chekhov A.P. *Istoricheskij ocherk pozharnogo dela v Rossii* [A historical sketch of firefighting in Russia]. St. Petersburg, A.D. Lviv Publ., 1892, 196 p. (in Russian)
13. Shchablov N.N. *Flaming Russia. Pages of history* [Pylayushchaya Rus'. Stranicy istorii]. St. Petersburg, GPPP-3 Publ., 1996, 483 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 08.02.2023

Received on 07.09.2022; approved on 15.11.2022; accepted for publication on 08.02.2023

Черных Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России (Россия, 664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110), ORCID: 0000-0002-5607-2535, e-mail: tchernykh@mail.ru

Chernykh Vladimir Vasilievich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute Ministry of Internal Affairs of Russia (110, Lermontov st., Irkutsk, 664071, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-5607-2535, e-mail: tchernykh@mail.ru

REFERENCES

1. Vladimirskij-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the history of Russian law]. Moscow, Territory of the future Publ., 2005, 800 p. (in Russian)